

лий отличается выразительностью, простотой и ясностью, что привело к свободному переводу текста.

5. Вариативность перевода одинаковых инфинитивных конструкций обусловлена жанрово-стилистическими особенностями новозаветного текста: притча, пророчество, поучение, описание конкретных событий.

6. Нередко инфинитивные конструкции параллельных мест Евангелий трансформируются в различные церковнославянские конструкции, что связано со стремлением разнообразить изложение.

Литература

1. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб. : Bohlau, 1999.
2. Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа. М. : Изд-во Моск. подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1995.
3. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / гл. ред. А.А. Алексеев; ред. М.Б. Бабицкая, Д.И. Захарова. СПб. : Рос. библ. о-во. С.-Петерб. отд-ние, 2003.
4. Ремнёва М.Л. История русского литературного языка : моногр. М. : Филология, 1995.
5. Фокков Н.Ф. К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского. М., 1887.
6. Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010.

Peculiarities of functioning and translation into the Church Slavonic language of the infinitive constructions in the New Testament

There is described the functioning of the infinitive constructions in the New Testament. There is analyzed the text of the Greek original and the Church Slavonic translation of the Bible, researched the methods of translation of the infinitive constructions into the Church Slavonic language.

Key words: *the New Testament Greek language, the Church Slavonic language, the New Testament, the Church Slavonic translation of the Bible, infinitive constructions.*

Л.У. ТАРИЕВА
(Магас)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается ядерный компонент личных местоимений ингушского языка, интерпретированный с точки зрения прагматики, интегрированной в семантику.

Ключевые слова: *когнитивное маркирование, «лицо говорящее», «лицо произносящее», локуторы, постулированность/приобретенность, семантический аспект.*

Тесная связь лингвистики с антропологией, на которую указывал Э. Сепир [15, с. 130], обращена к изучению языковых фактов в аспекте происхождения и эволюции человека и его языка. На базе данной связи исторически возникает антропоцентризм как позиция, согласно которой человек является центром и высшей целью мироздания [19]. Антропоцентрический подход как один из принципов интерпретации языковых единиц [2, с. 47; 10, с. 212], когда компоненты языка исследуются с целью познания его носителя, обнаруживает идиозннические особенности речемыслительной деятельности носителей языков, обуславливающие различия в грамматическом строе языков.

Взросший интерес лингвистов к изучению личных местоимений [5; 12; 14; 20 и др.] обусловлен функциональными особенностями прагматики, интегрированной в семантику, представляющей систему языка и речевую деятельность как условие для генеративной грамматики. Прагматическая функция как «особый аспект семантических функций, заключающийся в особой передаче отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям» [3, с. 9] релевантна, интерпретированная в терминах категории «постулированности / приобретенности» [17; 18].

В ингушском языке из именных форм праязыка (личных местоимений, классов – родовых обозначителей и имен существительных)

наиболее древними формами, участвующими в организации пропозитивной структуры языка, следует признать личные местоимения. Они относятся к одному из наиболее консервативных пластов лексики в любом языке [9, с. 260], могут быть квалифицированы как первичные [7, с. 113–114], архаичные формы праязыка, которые менее всего подвергаются изменениям. Личные местоимения представляют ту область языкового функционирования, которая когнитивно маркируется и экспонируется в языке ранее других. Редукция какого-либо компонента данной группы лексики приводит к функционально-семантическим изменениям именной и глагольной парадигм языка.

Личные местоимения ингушского языка представляют собой первичный пласт языка, обычно односложный: *суо* ‘я’, *хьуо* ‘ты’, *из* ‘он’ (‘она, оно’), *тхуо* ‘мы’ (эксклюзив), *вай* ‘мы’ (инклюзив), *шо* ‘вы’, *ужу*, *ужаш* ‘они’. Грамматическим ядром личных местоимений является дихотомия, специфическая для данного эргативного языка, основанная на общности дейксиса и «лица»: *суо* (NOM) ‘я’ и *аз* (ERG) ‘я’, *хьуо* (NOM) ‘ты’ и *Ia* (ERG) ‘ты’, *из* (NOM) ‘он’ и *цо* (ERG) ‘он’.

Местоимения-существительные ингушского языка индифферентны к категории рода на грамматическом уровне в пределах одного слова. Классные показатели как родовые обозначители экспонированы в ингушском языке вслед за личными местоимениями: *со* (NOM) в ‘я мужского рода’, *со* (NOM) *й* ‘я женского рода’. Категория рода вводится аналитически – с помощью энклитик (*кьонах в*, *сесаг й* ‘мужчина он, жена она’) – и синтетически на морфологическом (*вол* ‘сын’, *йол* ‘дочь’) [17, с. 13], синтагматическом (*со воагла* (муж.) ‘я иду’, *со йоагла* (жен.) ‘я иду’) уровнях, если глагол-предикат аргументирован гомогенным с ним партиципантом (ср.: *со* (NOM) *вагла* (муж.) ‘я сижу’ – *со* (NOM) *йагла* (жен.) ‘я сижу’, но *аз* (ERG) *деш* ‘я читаю’ безотносительно к роду) согласно категории постулированности / приобретенности. Классные показатели представляют собой исторически первичный пласт слов ингушского языка, хронологически следующий за личными местоимениями.

Из ограниченного числа личных местоимений, которые представляют собой закрытую группу слов, «указывающих на предмет в грамматическом смысле этого слова» [13,

с. 531], включающих исчисляемые конструкции (понятия), которые «в своей совокупности образуют системное значение единицы» [16, с. 66], в первую очередь выделяется личное местоимение первого лица в номинативе-абсолютиве *со* ‘я’, в отличие от другой именной составляющей – личного местоимения первого лица в эргативной форме *аз* ‘я’. Данные местоимения не обладают парадигмой словообразования, не образуют форм [6, с. 123] в силу своей «персональности».

Для носителей ингушского языка личные местоимения первого и второго лица *со* ‘я’, *хьо* ‘ты’ концептуализированы в качестве первых слов, представляющих данный эргативный в синхронном срезе язык. Концептуализация личных местоимений в различных языках, как нам представляется, отражает механизм речемыслительной деятельности в этой области знаний.

Г.А. Золотова центральным объектом современной лингвистики обозначает «говорящего», осмысливающего реальную действительность специфическими языковыми и речевыми средствами [8, с. 108]. Данное утверждение верно относительно номинативных языков. В эргативном ингушском языке «говорящий» представлен в одном лице с «произносящим».

Диахронически первыми зафиксированы ингушским речевым сознанием личные местоимения вначале первого и затем второго лица в номинативной форме – локуторы, «фиксирующие действие самого **говорения**» [11, с. 101–103] (*со* ‘я’ и *хьо* ‘ты’), – когда был запущен процесс восприятия человеком самого себя и формировались его представления о самом себе и своем месте в пространственно-временной действительности. Одновременно экспонированы и личные местоимения первого и второго лица в эргативной форме *аз* ‘я’, *Ia* ‘ты’ – локуторы, фиксирующие действие произношения, в тот же самый период первоначального развития человека, когда он стал осознавать свою личность, выделив себя из природы:

1) *со* (NOM) *лув* ‘я говорю’ (т.е. обладаю способностью);

2) *хьо* (NOM) *лув* ‘ты говоришь’ (т.е. обладаешь способностью);

3) *аз* (ERG) *оал* ‘я говорю’ (произношу);

4) *Ia* (ERG) *оал* ‘ты говоришь’ (произносишь).

Дифференциация первых (1, 2) и вторых локуторов (3, 4) базируется на категории «по-

стулированность / приобретенность», представленной в [17].

В лингвистических исследованиях последних лет наблюдается тенденция квалифицировать личные местоимения как языковые единицы с устоявшейся семантической зоной [5; 14; 20]. Личные местоимения ингушского языка обладают лексической семантикой, обусловленной их специфической прагматической и синтаксической представленностью в языке. За ними признается статус выражения стабильной автономной семантики [4, с. 260; 14, с. 3] и должна быть закреплена функция формирования первичных языковых смыслов.

Стабильной семемой в лексическом значении личного местоимения первого лица, морфологически представленного номинативной формой имени *со* 'я', является «лицо говорящее», грамматически представленное в языке эргативной формой имени *аз* 'я' – «лицо произносящее». К общему компоненту, объединяющему два первых лица в номинативной и эргативной формах в одно, относится «дейктик», указывающий на одно лицо, дифференцированное категорией постулированности / приобретенности.

Основная референтная категория «лицо говорящее», выделенное дейктиком, как это обычно делается жестом, когнитивно маркируется как постулированная единица языка; референциальное вторичное «лицо произносящее» мыслится в качестве непосредственно задействованного в реальной действительности.

Таким образом, в ограниченном количестве местоименных слов ингушского языка личное местоимение квалифицируется в качестве основного, центрального, с бинарным, «состоящим из двух частей» [1] ядром. Ситуация произнесения первого слова личного местоимения экспонирует дискурс (способ говорения), когда определяется категория лица. Первое лицо представляет способ говорения посредством произношения, что и обуславливает дихотомию ядра личного местоимения ингушского языка. Ситуация складывается таким образом, что один участник ситуации выполняет одновременно две функции одного лица: говорение и произнесение. Первое мыслится в качестве свойства постулированного референта, а второе – в качестве приобретаемого свойства референции. Оба свойства дейктически принадлежат одному лицу.

Одна часть ядерного компонента, представляющая «лицо говорящее», грамматически экспонируется в языке номинативной формой имени *со* 'я'; вторая, выполняющая функцию «произнесения», морфологически представлена эргативной формой имени *аз* 'я'. Дейктик как компонент лексического значения местоименного существительного первого лица указывает на одно лицо, исполняющее две разные функции одновременно: говорение и произношение, противопоставленные категориальными отношениями (постулированность, приобретенность), механизм которых прагматически в этой ситуации и запускается.

Локалистская концепция Дж. Андерсона и Дж. Миллера [21; 22] увязывается нами с категорией постулированности / приобретенности, отражающей степень локализации того или иного естественного языка (а значит, и его носителя – реального одушевленного денотата) в пространственно-временной действительности. Запуск механизма выделения языковых единиц с постулированным и приобретенным значением посредством дихотомии «лица» актуализирует номинализм и реализм – два лингвистических направления, возникших еще в античной традиции. Именование языковых единиц ингушского языка с постулированной семантикой (например, номинативно-абсолютивная форма имени *со* 'я') осуществляется в русле реализма. Вербализация языковых единиц приобретенной семантики (например, грамматически представленное в эргативной форме имя *аз* 'я') происходит в русле номинализма – факт немаловажный в интерпретации языков эргативной стратегии.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966.
2. Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филол. науки. 1997. № 4. С. 47–55.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983.
4. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986.
5. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М. : Наука, 1975.
6. Гандалоева А.А. Галгал мотт. Магас : Сердало, 2009.

7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.

8. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. №1. С. 105–114.

9. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб. : Алетейя, 2005.

10. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1995. С. 239–320.

11. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.

12. Падуева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985.

13. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. 1.

14. Селиверстова О.Н., Ярцева В.Н. Местоимения в языке и речи. М. : Наука, 1988.

15. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М. – СПб., 2003. С. 127–138.

16. Стернин И.А., Попова З.Д. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

17. Тариева Л.У. Клитики как показатели именных классов в ингушском языке. Назрань : Пилгрим, 2012.

18. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Назрань : Кеп, 2013.

19. Философия: Энциклопедический словарь. М. : Эксмо, 2004.

20. Ярцева В.Н. Слова-заместители в современном английском языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. : Филол. науки. 1949. № 97. С. 10–20.

21. Anderson J. M. The Grammar of Case: Toward a Localistic Theory. L., 1971.

22. Miller J. A Localist Account of the Dative Case in Russian // Brecht R.D.,

23. Chvany C. [eds.]. Slavic Transformational Syntax. Ann Arbor : Michigan UP, 1974. P. 244–261.

Pragmatic aspect of the interpretation of personal pronouns in the Ingush language

There is considered the core component of personal pronouns of the Ingush language interpreted from the point of pragmatics integrated into semantics.

Key words: *cognitive marking, “person speaking”, “person pronouncing”, locutors, postulating / obtaining, semantic aspect.*

М.Р. ЦИЦКИЕВА
(Санкт-Петербург)

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНОВ И. БАЗОРКИНА «ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ» И А. БОКОВА «СЫНОВЬЯ БЕКИ»

Характеризуются структура ономастического пространства и функционирование антропонимов в романах И. Базоркина «Из тьмы веков» и А. Боква «Сыновья Беки».

Ключевые слова: *антропонимическое пространство, литературная антропонимия, имя собственное.*

Литературная антропонимия – это специфическая система имен собственных, являющаяся коммуникативным и эстетическим средством обозначения персонажей и носителем авторских идей и оценок. Антропонимия художественного произведения образует антропонимическое пространство, которое определяется И.А. Королевой как «целостная антропонимическая мегасистема, обладающая следующими признаками: 1) употребляется в языке данного народа в данный период; 2) именуется реальные, гипотетические и фантастические субъекты; 3) состоит из множества антропонимических полей; 4) определяется моделью мира, существующей у данного народа; 5) отражает национальную ментальную культуру; 6) имеет ядерно-периферийную структуру поля, в центре которой личные имена и/или индивидуальные прозвища, выполняющие функцию имени» [6, с. 88].

Изучением вопросов литературной антропонимики занимались В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Ю.А. Карпенко, М.В. Горбаневский, О.И. Фоякова, В.М. Калинин, П.А. Флоренский, Б.А. Успенский, Э.Б. Магазаник, С.И. Зинин, В.Д. Бондалетов, В.И. Супрун, Н.К. Фролов, Е.Н. Соколова, Н.В. Васильева и др. Данный блок работ связан с вопросами ономапозитики, проблемами интегративного подхода к собственным именам в художественном тексте и соотношением понятий «лингвистика текста» и «литературная ономастика», ролью информации ономастического характера в концептуальной организации художественного текста.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами литературной ономастики, указы-